

Предисловие к английскому переводу романа «Дар» («The Gift»)¹

«Дар» (по-русски *Dar*)² был большею частью написан в 1935—1937 годах в Берлине, последняя его глава закончена в 1937 году на Французской Ривьере. Ведущий эмигрантский журнал «Современные записки», издававшийся в Париже группой бывших членов партии Социалистов-революционеров, поместил роман в нескольких номерах (№ 63—67, 1937—1938), исключив, однако, главу IV; она осталась ненапечатанной по тем же причинам, по которым составляющую ее биографию отказался печатать Васильев в главе III³: прелестный пример того, как жизнь оказывается вынужденной подражать тому самому искусству, которое она отвергает. Лишь в 1952 году, почти через двадцать лет после того как роман был начат, появилось-таки его полное издание, выпущенное поистине самаритянским учреждением — Издательством имени Чехова в Нью-Йорке. Очень любопытно вообразить себе режим, при котором «Дар» смогут читать в России.

Я жил в Берлине с 1922 года, то есть одновременно с молодым героем этой книги, но ни это обстоятельство, ни кое-какие общие наши интересы, как, например, литература и лепи-доптера⁴, не дают никаких оснований воскликнуть «ага!» и уavanaugh рисовалышца и рисунок. Я не Федор Годунов-Чердынцев и никогда им не был; мой отец не исследователь Центральной Азии, каковым я, быть может, еще когда-нибудь стану. Я не ухаживал за Зиной Мерц и не был озабочен мнением поэта Кончеева или любого другого писателя. Как раз, скорее, в Кончееве и в другом эпизодическом персонаже — романисте Владимире — узнаю я кое-какие осколки самого себя, каким я был году этак в 25-м.

© The Vladimir Nabokov Estate, 1963.

© Георгий Левинтон (перевод), 1997.

В те дни, что я писал эту книгу, я еще не способен был пересоздать Берлин с его колонией беженцев так же радикально и безжалостно, как обошелся с некоторыми местами своего обитания в позднейшей, английской прозе. Кое-где сквозь искусство проглядывает история. Отношение Федора к Германии, пожалуй, слишком типично отражает грубое и безрассудное пренебрежение русских эмигрантов к «туземцам» (будь то в Берлине, в Париже или в Праге). На моего героя к тому же подействовало наступление тошнотворной диктатуры, относящейся уже ко времени работы над романом, а не к тому, которое он фрагментарно запечатлев.

Громадный поток интеллигенции, составивший столь заметную часть общего Исхода из Советской России в первые годы большевистской революции, сегодня кажется скитаниями какого-то мифического племени, чьи иероглифы я извлекаю теперь из праха пустыни. Мы остались неведомы американской интеллигенции (которая, замороченная коммунистической пропагандой, видела в нас просто-напросто злодеев-генералов, нефтяных магнатов и сухощавых дам с лорнетками). Этого мира больше нет. Нет Бунина, Алданова, Ремизова. Нет Ходасевича — величайшего русского поэта, какого доселе породил XX век. Старая интеллигенция вымирает, не найдя себе преемников в так называемых перемещенных лицах последних двух десятилетий, которые принесли с собой всю провинциальность и пошлость своей советской родины.

Теперь, когда мир «Дара» представляет собой такой же фантом, как большинство других моих миров, я могу говорить об этой книге с какой-то долей беспристрастности. Это последний роман, который я написал — или когда-нибудь напишу — по-русски. Его героиня не Зина, а Русская Литература. Сюжет первой главы сосредоточен вокруг стихов Федора. Глава вторая — это рывок к Пушкину в литературном развитии Федора и его попытка описать отцовские зоологические экспедиции. Третья глава сдвигается к Гоголю, но подлинная ее ось — это любовные стихи, посвященные Зине. Книга Федора о Чернышевском, спираль внутри сонета, берет на себя главу четвертую. Последняя глава сплетает все предшествующие темы и намечает контур книги, которую Федор мечтает когда-нибудь написать, — «Дара». Интересно, как далеко воображение читателя последует за молодыми влюбленными после того, как автор отпустил их на волю.

Так много русских муз участвуют в оркестровке романа, что переводить его особенно трудно. Мой сын Дмитрий Набоков

перевел всю первую главу, но собственные профессиональные занятия не позволили ему продолжать эту работу. Остальные четыре главы перевел Майкл Скэммел. Зимой 1961 года в Монтрё я тщательно выверил перевод всех пяти глав. Перевод фрагментов и целых стихотворений, разбросанных по всей книге, — целиком на моей совести. Эпиграф не вымыщен. Эпилогическое стихотворение имитирует онегинскую строфу⁵.

Монтрё, 28 марта 1962

Перевод с английского
Георгия Левинтона

